Рихтер Святослав 31.07.99

Дом Культуры

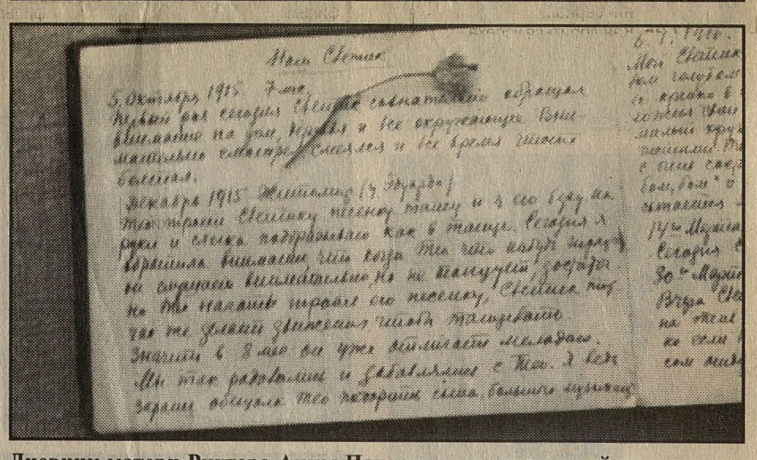
То, что вы никогда не знали о Рихтере Вечерний клуб. – 1999. – 31 июля. – с. 8

Наталья **ЖУРАВЛЕВА**

МЭТР

Попытка воспоминаний

Наталья Дмитриевна Журавлева, как и обещала, рассказывает нам сегодня о Рихтере. Одним поколением старше была сдружившая их московская интеллектуальная элита. Поэт Андрей Вознесенский в своем эссе «Мне четырнадцать лет», описывая традиционное собрание на даче Б. Л. Пастернака в Переделкине, упоминает как раз отца Журавлевой Дмитрия Николаевича: «великий чтец и камертон староарбатской элиты». Здесь же «сухим сиянием ума щурился крохотный, тишайший Генрих Густавович Нейгауз» (учитель Рихтера)... И вот, наконец, — «рассеянный Рихтер, Слава, самый молодой за столом, чуть смежал веки, дегустируя цвета и звуки». Примерно в это время, в первые послевоенные годы, и произошло знакомство юной Натальи Журавлевой с «дядей Славой» Рихтером. Ничем не омраченная дружба продлилась более полувека.



Дневник матери Рихтера Анны Павловны, посвященный маленькому Светику.

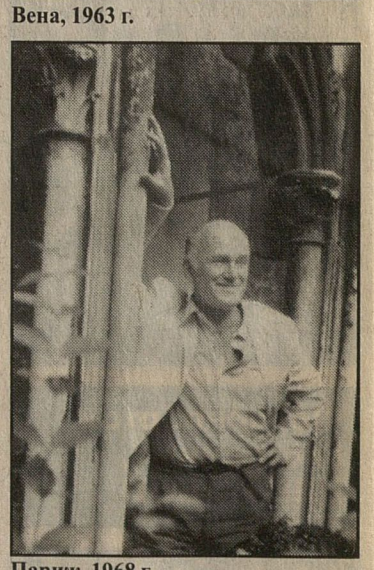
С родителями. Начало 30-х гг.

В первой московской квартире на ул. Левитана. Начало 50-х гг.

На репетиции с дирижером Лорином Маазелем. Париж, 1961 г.

С ним же – на концерте.

Вена, 1963 г.



Париж, 1968 г.

В жюри Первого конкурса им. Чайковского рядом с Генрихом Нейгаузом (справа), 1958 г. Рихтер поставил тогда только один высший балл – Клайберну, остальным участникам – ноли. Больше ни в каких жюри он никогда не заседал.

Панибратство на «вы»

Называть его Мэтром – это от меня пошло. Был 66-й год, мы репетировали с Анатолием Васильевичем Эфросом булгаковского «Мольера» в Театре Ленинского комсомола. А там все к Мольеру обращаются: «Мэтр, мэтр». И я как-то после репетиции пришла к Святославу Теофиловичу, и говорю: «Здравствуйте, Мэтр!..» Потом все стали его так звать. Очень удобно. Можно было даже «Мэтрчик» его называть. А с детства я всегда звала его «дядя Слава». Но не при чужих людях.

Меня же он всегда называл «Тутик» – это мое детское домашнее имя. Если же он обращался ко мне «Наташа» – я сразу понимала, что он сердится, и просила прощения даже еще не зная, за что.

Он мне говорил «вы», потому что я не могла говорить ему «ты», а у хорошо воспитанных людей не принято обращаться на «ты» к тем, кто с ними на «вы», пусть они даже и моложе на 23 года – как я Святослава Теофиловича.

У меня еще были разные смешные прозвища, которые мне придумывал Святослав Теофилович. Например, Соня. Почему? Из «Дяди Вани»! В 70-м году он возвращался с гастролей из Японии, и я полетела к нему в Хабаровск. И всю обратную дорогу ухаживала за ним: кормила, смотрела, чтоб рубашки чистые были, гладила их. Он и говорит: «Вы за мной ходите, как Соня за дядей Ваней». И потом, в письмах, обращался – «Соня». А подписывался – «Ваш дядя Ваня». Или еще так, например, говорил: «Ну что, Соня, когда мы увидим небо в алмазах?»

Когда я стала помогать ему разбирать архив и отвечать на письма, у меня появилась кличка «Юдифь Алексеевна Водкина-Шлагбаум». Почему Юдифь? Ну вроде как красиво… Алексеевна – потому что в 66-м году родился мой племянник Алеша. Водкина – потому что выпить любила, не как пьяница, конечно, но все-таки. А Шлагбаум – просто так, для баловства, для веселья. Придумщик он был.

Он разрешал мне вести себя довольно свободно, потому что не терпел жеманства, раболепства. Но и сам чувствовал себя со мной свободно. Мама моя даже возмущалась: «Как ты себя ведешь со Славой?!! Что за панибратство!» – «Ма-ам, но это же панибратство, которое он разрешает».

Простил

Не терпел халтуры – это было его ругательное слово. Если хотел выразить свое недовольство по отношению к чему-либо, называл это «халтурой». Выражал своего рода брезгливость.

Я помню, он играл на панихиде по Стасику Нейгаузу и быстро ушел: не терпел гражданских панихид! И по себе запретил устраивать. Много раз повторял и Нине Львовне, и мне: «Если вы меня не послушаетесь, я вам буду являться». Он тогда с панихиды ушел домой, а я мучалась: как он там один? Прихожу к нему, посидели немножко. И я спрашиваю – просто чтобы что-то сказать: «Дядь Слав, вы на панихиде Шопена играли?» – «Де!-Бю!-Сси!» Я вся сжалась: все, думаю, этого он мне никогда не простит. А он после долгой паузы: «Только ВЫ можете спутать Шопена и Дебюсси!» Но простил...

Москва стоглавая

В Страстную пятницу мы обычно слушали баховские «Страсти по Матфею» в записи. Тяжелые зеленые шторы задернуты; никаких украшений, цветов, притушенный свет – ну, Страстная пятница же. А в Страстную субботу вечером всегда ездили или пешком шли в церковь. Крестный ход тогда был запрещен почти везде. Мы ходили к церкви в Брюсовом переулке, дожидались, пока из окошка доносилось «Христос воскресе!», потом уходили.

А в Коломенском был крестный ход. Однажды Святослав Теофилович всех нас туда повез. Помню, была и Елена Сергеевна Булгакова, «Маргарита», — он всегда ее только так называл, прямо так к ней и обращался. Очень ею восхищался.

Так вот, в Коломенском – высокая-высокая лестница к храму. И когда начался крестный ход – белые платки, все со свечками – папа мой весь затрясся: «Смотри, смотри – «Хованщина», «Хованщина»!»…

Я несколько раз гуляла со Святославом Теофиловичем – ну, это, конечно, адов был труд. Часов по шесть-семь гуляли – так он любил пешком ходить. Я все смеялась: «Мэтр, я иду уже не ногами, а только любящим сердцем!»

Он потрясающе знал всю Москву, очень любил ее церкви. Однажды показал церковь на Таганке, за Котельнической высоткой – ту, у которой в солженицынском «Круге первом» сидит ночью гэбэшник, помните? Любил маленькую белую церковь на Трифоновке; на Преображенке, на горочке – слева, если ехать из центра.

Папа рассказывал, как однажды на Пасху, в алтаре храма Святого Николая в Вешняках, один старенький священник, служивший среди других батюшек, все путался. И на него шипели потихоньку. А когда служба закончилась и стали подходить под благословение, Святослав Теофилович первым подошел к этому старичку. Он не выносил унижения – сразу начинал, наоборот, человека почитать.

Домашний вернисаж

Вкус у него был высочайший. Живопись любил и знал потрясающе. Много картин в музеях никогда не смотрел. Пять – это максимум. А иногда – одну. Каждый раз выбирал, что именно будет смотреть.

Вот, например, мы были в Вене. «Завтра пойдем в музей, в ваш зал». – «Почему в «мой»?» – «Угадайте!» И вот мы в этом грандиозном музее; я знаю по книгам, что в нем и Рафаэль, и Тициан, и Рембрандт, и… «Тутик, опустите глаза! Не смотрите по сторонам! Не отвлекайтесь!» Держит за руку, ведет. Я не сопротивляюсь, гляжу только в пол.

Наконец, останавливаемся. «Ну, смотрите!» Я поднимаю голову – Брейгель! И я понимаю, почему зал – «мой». Я ведь читаю со сцены Цветаеву, а у нас дома стоит открытка в рамке – репродукция с брейгелевского «Рождества Христова» – подарок папе от Марины Ивановны с надписью внизу: «Мое место и век. Дмитрию Николаевичу Журавлеву».

Мы тогда посмотрели только Брейгеля. Долго смотрели. Потом Мэтр сказал: «Давайте выбирать, кто бы какую картину себе взял». Я выбрала «Несение Креста» – обожаю ее. А он сначала «Вавилонскую башню», а потом: «Нет, я, пожалуй, тоже «Несение Креста».

Когда в Москву привезли Мане, он меня позвал на выставку. Ходим врозь. Встретились у какой-то картины. Он начал мне тихонько высказывать свое впечатление, и вдруг: «Ой, простите, я вам, наверное, мешаю!» Боже, это он-то мне мешает…

А какие выставки он делал у себя дома! Например, подписных офортов Пикассо, которые сам художник ему и подарил на своем семидесятилетии.

А выставки Фалька устраивал, когда это имя еще и называть нельзя было. Дивные. Сам развешивал картины. Была выставка Шухаева (они очень дружили). Елены Ахвледиани. Кето Магалашвили. Димы Краснопевцева – две выставки. Диму в то время у нас знал лишь узкий-узкий круг ценителей. Потом, когда у него уже официальные выставки начались, Дима гордо говорил: «Да не нужны мне никакие выставки. Мои самые лучшие уже были. У Славы».

Для многих эти выставки становились открытием художников. Можно было приводить своих знакомых. Чем больше было народу – тем больше он радовался.

Он и сам писал – пастелью. Много и, по-моему, очень хорошо. Но никогда с натуры. Только по памяти.

Оперные собрания

Какие бывали слушанья опер! Боже мой! В записи, конечно, но как все тщательно было подготовлено! Гостей очень обдуманно приглашали – именно тех, кому интересно, кому, как говорится, в коня корм (Рихтеровское выражение). Кто знал ноты – тем давали клавиры и партитуры. И еще Мэтр придумал одну вещь, чтоб легче было следить за содержанием: на аналойчике таком выставлял одну за другой заставки – белые листы бумаги, на которых он заранее крупно-крупно писал, что в данный момент происходит на сцене. А само либретто читалось вслух. Он просил медленно, внятно читать. «Чтоб запомнилось». У нас даже условие было: если я вдруг затороплюсь (а почти всегда я читала), Мэтр рукой себя по коленке начинал слегка, медленно похлопывать – и я сразу спохватывалась.

Самые разные оперы слушали. Моцартовского «Дон Жуана» и вагнеровского «Летучего голландца» с Фишером-Дискау, «Манон Леско» Пуччини с Марией Каллас, «Кавалера роз» Рихарда Штрауса. Самое последнее, что мы вот так слушали – все вагнеровское «Кольцо» под управлением Фуртвенглера.

И новой музыки много слушали – не в смысле модерной, а для нас новой. Например, Бриттена многие впервые так услышали – и «Поворот винта», и «Питера Граймса», и «Альберта Херринга». Или оперу Яначека «Катя Кабанова» — это по «Грозе» Островского. Невероятно интересно!

Волшебные горы

Я всегда получала от него то, что я называю подарками. Вот, например, Томас Манн – это мне от него подарок. И Платонов, и Стерн, и «Зибенкэз» Жана Поля Рихтера. Причем он ничего никогда не навязывал – просто начинал взахлеб рассказывать, а интонация такая: как, мол, вы этого не знаете???

Однажды в разговоре о Томасе Манне промелькнуло название «Волшебная гора». «Вы читали?» А я наглая девица была: «Да, читала. Это новелла, кажется…» – «Что значит – новелла?! Как вам не стыдно!» Всё! Вечером я уже читаю «Волшебную гору». Это был сказочный подарок.

А вот Фолкнера он совсем не знал – тут я смогла немножко отдарить. Ему очень понравились «Шум и ярость» и «Осквернитель праха». Однажды попросил: «Принесите мне «По ком звонит колокол» (я ему все уши прожужжала). Прочел: «Нет…» Я ужасно огорчилась за Хемингуэя.

У него были свои пристрастия: Чехов – «Поцелуй», «Холодная кровь», «Страх». Немногие даже помнят эти рассказы, а он их очень любил. Пьесы все, но особенно «Три сестры». Гоголя о-бо-жал! Толстого не очень любил, особенно «Воскресение». Пушкиным восхищался безмерно, всем, и прозой тоже. Боялся «Пиковой дамы»: «О, это опасная вещь!» Ну и, конечно, Пруст – он был так счастлив, когда до конца, целиком прочел «В поисках утраченного времени».

Триумф «Бесприданницы»

Благодаря своим заграничным гастролям Маэстро видал много замечательных фильмов гораздо раньше нас. Он рассказывал о них с восторгом. От него я впервые услышала о Феллини, о Джульетте Мазине. Например, подробно рассказал мне «Дорогу» – он изумительно это делал. И когда я потом смотрела картину, было чувство, что я ее уже видела. И «Орфея» Кокто с Жаном Марэ и Марией Казарес. Он восхищался Пазолини, Висконти, Марлоном Брандо, Жанной Моро, Роми Шнайдер, Трентиньяном. Смотреть фильм было для него очень серьезным занятием – всегда сопереживал происходящему, как ребенок.

А уж видео, кажется, вообще изобрели для Рихтера. Он привозил, привозил, привозил кассеты – и «угощал» близких тем, что сам любил. Помню, мы смотрели дома фильм по роману Жана Жене – очень хороший, с Жанной Моро. Но там было много откровенных сцен. И вот Мэтр мне заявляет: «Нет, я не могу это с вами смотреть – мне неловко». – «Да ладно, дядь Слав, я уже большая девочка, смешно даже! Я уже замужем тыщу лет!» – «Ну, хорошо, — соглашается он, — только в «таких» местах я вам буду глаза закрывать». Ну, идет-идет фильм, я уже понимаю, что вот-вот должно произойти. И тут теплая лапа мне на глаза – оп! И я сижу и думаю: «Ой, как здорово! Побольше бы «таких» мест…»

Кстати, знаете, какой его самый любимый фильм? «Бесприданница» с Алисовой, Кторовым, Пыжовой и Балихиным. Семнадцать раз видел!

Веселья

Очень любил собирать друзей. На балы или даже на маскарады. Это все шло из детства – мама его и тетя очень артистичные были. У них дома, в Одессе, всегда устраивались веселья.

В Москве на моей памяти несколько было. Дивный бал в ноябре 1978 года. Мэтр сам всю программу составил. Там и сольные танцы были, и сам он играл, и Андрей Гаврилов, и пение, и скрипка. Накануне устроили генеральную репетицию, чтоб не нахалтурить, чтоб была «основа для вольной импровизации» (его слова).

Стены «залы» в их квартире на Бронной украсили серебряной гофрированной фольгой – сразу стало похоже на какой-нибудь Зимний дворец. В его спальне – фонтан. Одна струйка, но такая красивая. И соловья записали на магнитофон – представляете, еще и соловей щелкал! В кабинете у него устроили восточный буфет, в спальне Нины Львовны – западный.

Начался бал звуком трубы. Восемь пар пошли полонезом. Святослав Теофилович мне – раз! – руку, и мы с ним – следом за всеми. Мэтр со всеми старался потанцевать.

Бал был два вечера подряд. На второй пришла Софья Станиславовна Пилявская. Красавица. Мэтр ее очень любил. Она говорит мне своим низким голосом: «Ей, старой ведьме, на погост пора, а она по балам скачет!» – булгаковская фраза. Рихтер приглашает ее на мазурку. «Славочка, я не могу…» Потом ко мне обращается – я ведь ученица ей: «Что же это он меня на мазурку? На полонез надо было, полонезом бы я пошла…»

Мэтр с удовольствием вспоминал и про давние маскарады. Как однажды, например, Ростропович нарядился крокодилом; Митя Терехов, художник, принес живого петуха; а Зоя Богомолец – подруга еще с одесских времен – оделась цыганкой и всем гадала.

Самый знаменитый маскарад Святослава Теофиловича был на его 45-летие 20 марта 1960 года. Мы, помню, готовились дней семь, причем участвовало в подготовке множество людей. Невероятные костюмы были вовсе не обязательны – можно только «домино» и полумаску. Эти маски клеить, вырезать даже бабушку мою засадили. Служить ему все и всегда были готовы.

Из большой «залы» – это было еще в их старой квартире в Брюсовом – все вынесли, оставили только рояли. Народу было! Но поначалу все как-то жались по углам, робели. И тогда моя мама вдруг села к роялю и заиграла вальс. Это мама-то! Она – такая скромная, застенчивая – и чтоб при Рихтере заиграть. Но надо же было как-то начать. И уж дальше понеслось – дым коромыслом!

В самый разгар веселья раздается звонок и входит пара – дама в цилиндре и сером кринолине, таком летящем, роскошном, и господин во фраке, небольшой, довольно плотный, безумно элегантный. В масках, конечно. Они эффектно так прошлись по зале, а мы – э-э-э??? Кто это? Не узнаем! Мэтр счастлив был беспредельно. Так кто, вы думаете, это был? Елена Сергеевна Булгакова и Федор Михайлович Михальский – Филя из «Театрального романа»!

Один из последних маскарадов – встреча нового 1988 года. Без особенных костюмов – только детали. Ну, например, Саша, муж мой, был в венецианском берете с пером. А я – в кокошнике. Мэтр, конечно, себе очень интересный вид придумал. И лицо, и костюм – все было разрисовано такими абстрактными штуками а ля Леже.

Танцевали, конечно, без конца, показывали «живые картины». Олег Каган, чудный скрипач, был Рембрандт, а Наташа Гутман, жена его, виолончелистка знаменитая, — Саския: она устроилась у него на коленях с поднятым бокалом. Помните? «Автопортрет с Саскией на коленях».

Мэтр обожал шарады. В одной разыгрывали не помню точно какое слово (кажется, «Горио») – Святослав Теофилович играл Бальзака, а народная артистка Панкова – тетя Таня, как я ее называла – играла дочь, или нет, возлюбленную его, то есть Бальзака. Мэтр сидел в таком халате, она у его ног на полу, а он, развалившись, говорил: «Ах, эти дочки… Что-то надо с ними придумать». Все валялись от хохота.

А однажды Рихтер пришел к нам на Пасху с художницей Еленой Ахвледиани. У нас всегда места было очень мало, вокруг накрытого стола стулья не помещались – и мы клали доску на табуретки. Святослав Теофилович с Еленой Дмитриевной изображали слово «Надсон» – «над» и «сон». Это выглядело так: на стульях доска, под ней лежит «спящий» Рихтер; а она ходила по доске «над» ним.

Полнолуние

Он очень любил вкусно поесть. Обожал картошку – во всех видах. Блины из тертой картошки – деруны – одно из самых любимых блюд. Вообще любил простую еду, которую можно быстро бросить в кастрюльку или на сковородку – и готово. Но в то же время – китайские яйца («гнилые») или устриц. Разные у него были вкусы, разные.

Мне много приходилось ему готовить. Он борщи мои любил, ботвинью. Пюре я научилась делать нежное-нежное, как ему нравилось. И еще компот из вишни – «только чтоб ки-и-ислый…»

Я обожала его кормить. Расскажу вам один эпизод – он до сих пор для меня какой-то особенный. Это было в 1967 году, мы жили тогда на их первой знаменитой даче, на Оке. Нина Львовна с Митей уехали в Москву, а мы остались до следующего утра, решили плыть до Серпухова на пароходике.

В ту ночь было полнолуние. Святослав Теофилович учил инвенции Баха. И вот – луна висит над рекой, над нашим домом, а он наверху играет Баха. И эти инвенции звучат в тихом воздухе, невероятно плотном, насыщенном ароматами… А я ему нажарила картошки вареной, на постном масле, с луком, как он любит – полную сковородку. Сижу внизу на ступеньках. Луна. Бах. Благоухание. А я думаю: «Сейчас я буду его кормить…» Я теперь знаю – это было счастье. А тогда не очень-то и понимала.

Записала
Наталья **БОЙКО**

Фотографии предоставлены отделом ГМИИ им. Пушкина "Музей-квартира С. Т. Рихтера".